

К вопросу о религиозных девиациях православного приходского духовенства пореформенного времени (на примере Казанской губернии)

А. А. Хохлов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, kazan_molodezh@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ такого малоизученного в отечественной историографии явления, как религиозные отклонения в среде провинциального приходского духовенства. Учитывая тот факт, что степень погруженности сельского клира в среду его паствы была весьма значительной, логично было бы предположить, что народная религиозность, во всем ее многообразии, оказывала существенное влияние на характер ортодоксальности духовенства и каноничность его повседневного поведения. Однако архивные источники открывают несколько иную картину обозначенной проблемы.

Ключевые слова. религиозные девиации, духовенство, клир, паства, неканоническое поведение, религиозность, культура поведения

Для цитирования: Хохлов А. А. К вопросу о религиозных девиациях православного приходского духовенства пореформенного времени (на примере Казанской губернии) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 79–86. DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_79

Original article

On the Question of Religious Deviations of the Orthodox Parish Clergy of the Post-Reform Period (on the example of Kazan province)

Aleksandr A. Khokhlov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, kazan_molodezh@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the analysis of such a little-studied phenomenon in Russian historiography as religious deviations among the provincial parish clergy. Given the fact that the degree of immersion of the rural clergy in the environment of his flock was very significant, it would be logical to assume that popular religiosity, in all its diversity, had a significant impact on the nature of the orthodoxy of the clergy and the canonicity of their daily behavior. However, archival sources reveal a slightly different picture of the indicated problem.

Keywords. Religious deviations, clergy, flock, non-canonical behavior, religiosity, culture of behavior.

For citation: Khokhlov, A. A. (2023). On the question of religious deviations of the Orthodox Parish clergy of the Post-Reform Period (on the example of Kazan province). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(852), 79–86. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_79

ВВЕДЕНИЕ

Многоликая религиозность населения России образца XIX – начала XX веков неоднократно становилась объектом пристального внимания историков, религиоведов, этнографов. Однако мало кто из исследователей задавался вопросом, насколько мировоззрение и религиозность духовенства, окормлявшего православную паству, испытывало на себе влияние традиций и практик последней, и, исходя из этого, соответствовала догматическим и каноническим положениям Православной церкви. Иными словами, как глубоко народные представления, обычаи и верования, да и сам образ жизни затрагивали религиозность клира; каким образом они коррелировали с его повседневным благочестием, а также какого рода факторы могли играть в вопросе религиозной дисциплинированности причтов заметную роль.

КУЛЬТУРНЫЙ ФОН

Не имеет смысла специально останавливаться на описании религиозного ландшафта Казанской губернии пореформенного времени. Данному вопросу посвящен внушительный пласт доступных широкому кругу источников и историко-этнографической литературы. Отметим только, что Урало-Поволжье в целом и Казанский регион в частности в этнокультурном плане представляли собой совокупность народов, ко второй половине XIX века уже в значительной степени христианизированных (за исключением татар-мусульман). Однако степень христианизации иноверцев в различалась в зависимости от местности. Русское население истари было носителем православной традиции и поэтому было сравнительно воцерковлено, тогда как у чувашей, марийцев, мордвы или удмуртов далеко не везде было окончательно предано забвению традиционное язычество во всевозможных его проявлениях. Результатом такого положения дел становились различные формы синкретической религиозности, что можно считать закономерным явлением в условиях сближения различных этнических групп [Этноконфессиональные меньшинства, 2010].

Впрочем, русские также не были свободны от стороннего культурного влияния. Так, в 1874 году на страницах «Известий по Казанской епархии» неким Ф. Земляничкиным была опубликована пространная заметка: «Несколько слов о влиянии черемисского общества на живущих в нем русских крестьян в религиозном отношении» [Известия по Казанской епархии, 1874, с. 204–206]. Сочинение предваряется пословицей «С волками

жить – по-волчьи выть» и раскрывает механизмы и фактуру религиозного взаимопроникновения в крае. «Неудивительно, – писал автор, – если новокрещенный татарин, живущий в одной деревне с некрещенными, уклоняется в мухамеданство, или православный русский, живущий вместе с раскольниками, переходит в раскол: здесь как тот, так и другой стушевываются в большинстве своих единоплеменников с одинаковыми с ними племенными и житейскими интересами, с одинаковыми привычками и умственным развитием» [Известия по Казанской епархии, 1874, с. 204].

Писатель сетовал, что русские в условиях многонационального окружения легко перенимают религиозные практики черемисов, которые по развитости религии стоят на несравненно более низкой ступени. В подтверждение своего тезиса Ф. Земляничкиный приводит занимательные факты. Так, в ряде местностей русские переставали работать в пятницу, начинали отмечать языческие праздники, охладевали к постам и т. д. Относительно их участия в жертвоприношениях у автора также имелись сведения. При этом приверженность «священным дням», бросалась в глаза наблюдателю особенно: «за празднование пятницы стоят крепко» [там же]. Дело доходило до того, что в отношении нарушителей этих нововведений могли последовать коллективные санкции вплоть до жестоких избиений и порчи имущества.

Схожий пример находим в другом месте. В 1869 году священник одной из казанских церквей Александр Алексеевский на страницах епархиальной печати делился воспоминаниями о начале своей службы в чувашском приходе. В центре повествования – давление прихожан на пастыря с целью принудить «вместе жить», т. е. к лояльности в вопросах соблюдения своих традиций, в том числе, религиозных. «Вместе жить значит: потакать, смотреть на все чувашские проказы сквозь пальцы, молчать, хотя бы они в виду твоём совершали идольские жертвы, а знать только, что собирать с них хлеб и деньги, и только», – сетовал клирик [Известия по Казанской епархии, 1869, с. 486]. Но сам священник Алексеевский упорно сопротивлялся. Не в пример своему диакону, не обременявшему себя подобного рода дилеммами, а ставившего во главу угла, прежде всего, безбедное и спокойное существование в окружении своей полуязыческой паствы. «Так вел себя у них любимый ими бацька отец дьякон. Он, бывало, о чем ни говорит с чувашиним, а в заключение непременно прикажет: ну, бича (братец), ничего: кире мет моли, только кожу нам неси; или, видя у чувашенина сына – подростка, скажет ему: мень туvas опле окся парм, венчать туvas; от лестных этих слов чувашенин делается сам не свой:

не знает, что делать пред диаконом, где посадить, как, чем угостить его» [Известия по Казанской епархии, 1869, с. 487]. Напротив, ортодоксальность отца Александра и его активная миссионерская позиция обернулись мстительностью со стороны прихожан и даже покушением на убийство. Таким образом, как видим, условия жизни духовенства нередко предопределяли противоречивый характер его отношения к тем или иным сторонам религиозной жизни прихода.

ФАКТУРА

Таков был общий фон проблемы. И тем не менее анализ архивных источников показывает, что в целом виде религиозных отклонений в среде епархиального приходского духовенства было крайне мало. Судя по всему, данный факт в целом укладывался в общероссийскую тенденцию [Никитин, 2021]. Религиозные девиации клира по большей части фигурируют в рамках случаев, связанных *со случайностями, недоразумениями, лживыми доносами, халатностью, финансовыми противоречиями и т.д.*, но практически никогда – с сознательным уклонением от православного вероучения под влиянием процессов, обозначенных выше. К примеру, в 1870 году обер-прокурор Синода Д. А. Толстой сообщал о распространенной в Казанской епархии практике отлучек духовенства в Казань по выходным дням и в канун церковных праздников [Известия по Казанской епархии, 1870]. Учитывая особенности транспортного сообщения в рассматриваемое время, такие поездки превращались в длительное путешествие. Закономерно, что в этих случаях паства оставалась без воскресной или праздничной литургии и сопутствующего духовного окормления. Однако такие нарушения вполне объяснимы – решение скапливавшихся приходских дел в епархиальном центре в дни, свободные от хозяйственных забот. Но обуславливались они, как видим, внешними обстоятельствами, не будучи детерминированы какими-либо мировоззренческими трансформациями в среде причтов¹.

Впрочем, другой пример представляется не столь однозначным. В 1874 году в селе Татмышеве в семье крестьян родился ребенок, довольно слабый здоровьем. Родители «страха ради смертного» и сообразно церковным предписаниям поспешили побыстрее окрестить младенца. Но приходской священник Александр Ясницкий не стал в тот день совершать таинство и наказал крестьянам прийти в следующее воскресенье. Однако ребенок вскоре

умер и крещение не состоялось. Такое отношение священника к церковному таинству вызвало возмущение родителей. Вскоре об инциденте стало известно епархиальному начальству, и отец Ясницкий был наказан заключением в монастырь.

Неизвестно, было ли поведение священника обусловлено слабым религиозным рвением или же за этим стояли причины иного плана: недомогание, занятость и т. п. Источники, к сожалению, об этом не сообщают. Однако отдельным представителям духовенства действительно было присуще поверхностное, нерадивое, а в ряде случаев, и кощунственное отношение к своим обязанностям². Так, в 1863 году настоятель храма села Багильдино Иоанн Акрамовский сообщал архиерею о предосудительном поведении в церкви диакона Артемия Десницкого. «Диакон во все продолжение времени совершавшегося таинственного служения, – писал священник, – стоя на клиросе с пономарем Иваном Доброхотовым, вместо того, чтобы единственно заниматься чтением и пением, могущих в предстоящих слушателях возбудить внутренний дух к умирительному благоговейству и страху Божию, занимался смехотворством и шептанием... Что же было диаконом Десницким найдено во время совершения литургии достойным осмеяния, я недоумеваю»³. Подобное поведение в храме даже среди крестьян не считалось нормальным. Корреспонденты этнографического бюро В. Н. Тенишева, проводившие исследование в уездах Казанской губернии, отмечали, что последние в большинстве стараются держаться в церкви чинно. Исключение составляла только молодежь, не имевшая «страха Божия»: шепчутся, смеются, толкаются [Русские крестьяне, 2017].

Впрочем, повседневное течение приходской жизни во всем ее многообразии не было избавлено и от обычных недоразумений, когда священно- и церковнослужители попадали под подозрение исключительно по недомыслию кого-либо из прихожан. В том же 1863 году чиновники Ядринского уезда донесли казанскому губернатору об одном сомнительном религиозном обычае в чувашско-мордовском селе Убеево, к которому якобы сверх меры лояльно относится местный священник Яков Никопольский⁴. Служащие уверяли, что во время

¹ См., например: О пролитии святых Даров (1901) // ГА РТ Ф. 4. Оп. 133. Д. 12. 24 Л.

² См.: О нерадении по службе диакона села Шутнерова Чебоксарского уезда М. Нелидова (1861) // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 5623. 64 Л.; О нерадивости священника села Подберезья Свияжского уезда С. Фортунатова // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 5611. 64 Л.

³ Всепокорнейшее прошение Цивильского уезда села Багильдина священника Иоанна Акрамовского высокопреосвященнейшему Афанасию, архиепископу Казанскому и Свияжскому // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 5919. Л. 11–12.

⁴ Дело о дозволении священником Ядринского уезда села Убеева Яковом Никопольским своим прихожанам из чуваш крещенных при-
давать земле умерших в шапках // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 5902. Л. 26.

христианских погребений чуваша с позволения пастыря надевают покойникам на головы ритуальные шапки. Губернатор передал информацию правящему архиерею. Внимание высокой гражданской и духовной власти к вышеописанному инциденту вскоре обернулось разбирательством. Однако тщательный обыск показал, что указанного обычая в той местности не существовало, а умершим бедные родственники иногда под головы клали шапки – за неимением подушек. На этом основании священник от наказания был освобожден¹.

Большинство же прочих известных нам случаев, было связано с противоречиями внутри причтов. Они являлись результатом конкуренции клириков между собой и часто выражались в необоснованных обвинениях, оговорах, лживых доносах и т. п. Преступление или проступок, иногда мнимые, нередко приводили к дискредитации священнослужителя. Такая печальная картина вновь возвращает нас к проблеме доносительства, предметно рассмотренной в одной из наших публикаций [Хохлов, 2022].

Финансовые средства в ряде случаев могли стать тем мотивом, ради которого клирики шли на канонические нарушения или «закрывали глаза» на сомнительные практики своей пасты. Однако высвечивание этих пороков нередко происходило только при определенных условиях. В 1863 году священник села Аркатово Лаишевского уезда Василий Ядрин был обвинен в венчании несовершеннолетних. Судя по материалам дела, он совершал это за особую плату не один год и на регулярной основе. Однако до поры такая практика не вызывала претензий в причте, поскольку клирик делился с остальными членами доходами. Когда же он перестал это делать, епархиальной администрации тут же все стало известно².

Подобные случаи были далеко не единичны. В 1862 году причетник церкви села Косякова Свияжского уезда Иван Воскресенский обратился с жалобой благочинному на своего священника Феопелита Тихомирова³. Согласно заявлению, отец Тихомиров, будучи жизни нетрезвой, постоянно испытывал нужду в средствах. На этом основании клирик, случалось, шел на поводу обычаев входивших в его приход крещеных татар. За определенную плату он позволял им совершать языческие похороны без отпевания. Проблема заключалась только в том, что продолжалось это длительное время, а Воскре-

сенский за молчание получал часть незаконных средств. Тем не менее обострившиеся угрызения совести однажды побудили причетника раскрыться.

Случалось, инциденты с религиозным подтекстом становились следствием целенаправленно распускавшихся слухов. В 1862 году в причте церкви села Смолдиярово Лаишевского уезда возник конфликт⁴. Дьячок Михаил Малиновский обвинил своего настоятеля в утайке доходов от причта. В ответ последовали обвинения в колдовстве. Якобы из-за порчи, наведенной причетником, в селе занемогла женщина. Епархиальная власть отнеслась к сообщению с особым вниманием. Впрочем, в рапорте архиепископу Малиновский раскрыл подлинную суть дела. Оказалось, один из их причетников состоял в незаконной связи с местной крестьянкой. Адюльтер стал известен обманутому мужу, и, по крестьянскому обычаю, он жестоко расправился с женой. Женщина от побоев серьезно заболела. Жена же обвиненного в присвоении приходских средств священника, воспользовалась случаем, пустила по селу слух, будто бы причина болезни женщины – магические действия Малиновского. Таким образом, матушка решила отомстить правдолюбивому сослуживцу мужа и сделать дальнейшее пребывание причетника в селе в глазах прихожан неприемлемым.

Иными словами, необоснованные обвинения зачастую мотивировались корыстными интересами или взаимной неприязнью, прежде всего, самих членов причтов. Особая роль принадлежала благочинным как лицам, обладавшим полномочиями и монопольным правом донесения о приходских делах епархиальным властям. В ряде случаев сложившаяся практика оборачивалась крайностями, которые представляли серьезную проблему для внутрицерковного мира. Вместе с тем справедливости ради следует отметить, что донесения благочинных пестрят сообщениями о неукоснительном следовании причтами предписаниям о соблюдении социальной дистанции с мусульманами, язычниками и старообрядцами, сомневаться в которых не имеется достаточных оснований. Причина такого благополучия отчасти кроется в том, что духовенство перманентно находилось «на виду» у пасты. Его повседневная нравственность могла иметь неоднозначный характер, что так или иначе допускалось прихожанами. Однако богослужебная и ритуальная дисциплинированность отслеживалась последними особо. Корреспонденты бюро В. Н. Тенишева отмечали: «Народ смотрит на нарушение церковных правил и церковных обрядов,

¹ Постановление Казанской духовной консистории // Там же, Л. 24-26.

² Дело о повенчании священнослужителями Лаишевского уезда села Аркатова несовершеннолетнего брака и об обиде священником Василием Ядриным остальной причт доходами // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 5880. 14 Л.

³ Дело о противозаконных поступках Свияжского уезда села Косякова Феопелита Тихомирова // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 5824. 42 Л.

⁴ Дело о беспорядках по церковным суммам и прочем в селе Смолдиярово Лаишевского уезда // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 5774. 111 Л.

как, напр.: на несоблюдение постов, нарушение праздников работою, неисполнение таинства покаяния и причащения, на напрасное употребление божбы, как на самые тяжкие и непростительные грехи, за которые Бог накажет, покарает явно на этом еще свете при жизни самого. Или он будет сохнут, ни в чем ему не будет ни доли, ни удачи, а умрет не своей смертью, непременно при неимоверных страданиях и судорогах (конвульсиях). А в будущей жизни им будет и того хуже, они будут там мучиться в аду вместе с дьяволами в вечном огне» [Русские крестьяне, 2017, с. 46–47].

Именно обрядовой стороне в христианстве крестьянами придавалось ключевое значение [Мангилева, 1998]. В связи с этим, показателен случай священника села Индырчи Тетюшского уезда Иоанна Можаровского (1873). Уклонение пастыря от молебнов и крестных ходов по определенным дням стало одним из оснований доноса на него возмущенных прихожан архиерею¹. Таким образом, охранительная внимательность паствы удерживала не в меру пластичных клириков от явных нарушений.

Добавим к этому еще один немаловажный штрих – жесткость канонов и церковного и государственного законодательства, в имперский период предметно регулировавших вопросы вероотступничества. В том, что именно он имел важное предохранительное и дисциплинирующее значение, сомневаться не приходится – источники прямо обозначают страх духовенства перед наказанием со стороны властей как действенный механизм предотвращения различных духовных девиаций².

Действительно, согласно каноническим установлениям Церкви, вероотступничество занимает центральное место в ряду преступлений и проступков, которые влекут за собой суровое наказание. Исходя из сказанного, реестр наказаний за вероотступничество наиболее тщательной проработкой как в терминологическом, так и содержательном плане. Так, преступления и проступки против веры в канонической системе подразделяются на *отречение, ересь и раскол, общение с иноверцами, волшебство, клятвопреступление, нарушение обета девства, опущение богослужений в праздничные дни, неблагоговейное обращение с церковными местами, повреждение священных книг, творений святых отцов и учителей церкви, изображение «на земле» крестного знамения, пост в воскресные и субботные дни, нарушение постов, еретическое гнушение мясом и вином* [Милованов, 1888, с. 54].

При этом сама категория *веры* трактуется как двусоставная: вера как качество, присущее человеку и связанное с трансцендентным, и *исповедание веры* – обращенная вовне, индивидуальная религиозная активность [Милованов, 1888]. «Отсюда и отречение от веры может быть двоякое, – пишет И. М. Милованов. – То оно является как смена религиозных воззрений, как перемена религии вследствие сознания превосходства другой и недостатков первой или прежней; неперменным последствием чего бывает и смена исповедания веры. В другое время в факте отречения от веры сказывается только отсутствие исповедания оной при наличности внутри сердца веры, как чувства: иначе, человек показывает одно, тая в сердце другое, причем эта показанность оканчивается вместе с мотивом, вызвавшим ее» [Милованов, 1888, с. 55]. На этом основании преступлением считается любой акт смены веры, вне зависимости от того, искренне или притворно это было сделано; временно, краткосрочно или по какой-либо необходимости.

В зависимости от того, какое из религиозных преступлений или проступков было совершено клириком и при каких обстоятельствах, наказание могло подразумевать *запрещение в служении, извержение из сана, а также (в особо тяжких случаях) анафему или отлучение от Церкви*. Собственно применительно к реалиям синодального периода пореформенной эпохи, вероотступничество в широком спектре случаев грозило клирику исключением из духовного звания с дальнейшей социальной маргинализацией. Она распространялась и на членов семьи наказуемого клирика. Система наказаний за вероотступничество имела важное профилактическое значение в ситуации выбора священником, диаконом или причетником поведенческих стратегий.

Тем не менее каноническая категоричность во второй половине XIX века постепенно смягчалась церковным законодательством, что, к примеру, просматривается в Уставе духовных консисторий от 1883 года. Так, согласно ст. 177, вероотступники из числа священнослужителей, даже совершившие столь тяжкие преступления как уклонение в ересь или раскол, в случае чистосердечного раскаяния, могли рассчитывать на снисхождение церковного начальства [Устав духовных консисторий, 1883]. Однако с неизбежным понижением до причетника. Между тем, церковнослужителям безапелляционно грозило исключение из духовного звания (ст. 178) [Устав духовных консисторий, 1883].

Свою лепту вносило и имперское законодательство, до 1885 года жестко регулировавшее вопросы религиозного плана и видевшее в этом,

¹ Дело о священнике села Индырчей Иоанне Можаровском по жалобе на него местных прихожан // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 6715 30 л.

² Рапорт благочинного Тетюшского уезда села Сумарокова Сергея Сунгурова (1873) // ГА РТ Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 99 об.

прежде всего, идеологическую обусловленность и необходимость. И хотя духовенство находилось, прежде всего, под юрисдикцией церковной системы, принцип примата государства, основанный на идее *jus naturale*, в рассматриваемый период уже прочно укоренился в правовой сфере империи.

В государственном законодательстве круг религиозных вопросов рассматривался в рамках уголовного, а не гражданского права. демонстрирует значимость православия и необходимость соблюдения подданными религиозной ортодоксальности. Включение Церкви в светский контекст государства выразилось в Уложениях о наказаниях уголовных и исправительных от 1845, 1885 и 1903 годов. Так, в Уложении 1845 года человек, совершивший переход из православия в другое христианское исповедание, препоручался для вразумления духовным властям. Однако при этом виновник отстранялся от контактов со своими малолетними детьми во избежание «совращения» (ст. 198) [Уложение, 1845, с. 69]. Если же дело затрагивало не только его самого, но и становилось частью миссионерской активности, наказание многократно ужесточалось.

Случаи уклонения от исполнения постановлений церкви (богослужения, исповедь, причастие) также передавались на рассмотрение духовным властям с правом назначения епитимьи, тогда как нарушения, связанные с похоронной практикой и ее соответствия православной традиции, могли караться тюремным заключением. Глава третья Уложения «Об оскорблении святыни и нарушении церковного благочиния» подробно регулировала аспекты поведения в церкви и во время общественных и частных богослужений (включая вербальные). В большинстве таких случаев нарушители из числа священнослужителей автоматически передавались в руки церковных властей с последующим применением к ним санкций, предусмотренных каноническим правом и церковным законодательством. Причетники же могли быть судимы и по гражданским законам.

В Уложении 1885 года вероотступничество стало квалифицироваться как уголовное преступление только в особых случаях [Уложение, 1886]. В силу либерализации правовой сферы упор государством делался на увещание со стороны духовных властей и на различные епитимьи относительно легкого дисциплинирующего плана. В Уложении 1903 года вероотступничество как таковое, в сущности, декриминализуется, а религиозные правила обращают на себя внимание государственного законодателя лишь в той части, где они вступают в заведомое противоречие с уголовными предписаниями общего характера.

Указанная трансформация оказывала влияние и на правоприменительную практику внутри Церкви. Причем не только с участием мирян, но и духовенства. Историческая обстановка существования православной Церкви менялась в силу многочисленности неоднозначных случаев в приходской жизни, а также по причине стремления архиереев и консисторий приноровиться к динамично меняющимся условиям повседневности. А. В. Никитин пишет: «В целом, если церковное начальство не видело в действиях клириков сознательной приверженности к какой-либо ереси, то проступки, даже формально затрагивавшие достоинство веры и преследовавшиеся по общегражданским законам, не вызывали у него серьезного беспокойства. Примером такого прагматичного подхода может служить дело, возникшее в 1896 г. в Екатеринбургской епархии. Псаломщик Манин был привлечен к ответственности за то, что в пьяном виде на вопросы прихожан о Богородице и святых отвечал «самыми кощунственными словами». Окружной суд постановил подвергнуть церковнослужителя аресту на месяц, а местные жители составили приговор о его удалении из прихода. Консистория удовлетворила это ходатайство» [Никитин, 2021, с. 161–162].

Однако именно синодальная власть, локализованная в столичном Петербурге и, в силу этого, далекая от приходских реалий жизни, демонстрировала ярко выраженную приверженность букве и духу законов. Так, обозначенное решение Екатеринбургской духовной консистории вызвало возмущение старшего секретаря Синода Мудролюбова, проводившего «обозрение» консисторского делопроизводства и подвергнувшего критике снисходительность епархиального начальства [Никитин, 2021].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, религиозные отклонения в структуре девиаций приходского клира Казанской губернии пореформенного времени не занимали значимого места, что в целом свидетельствует о склонности представителей духовенства сохранять приверженность к вероучению и каноническим предписаниям Православной церкви даже в неблагоприятных условиях полуязыческой атмосферы и многонационального окружения. Впрочем, не стоит упускать из виду и то, что догматические погрешности, сделанные священником во время проповеди, наставления или частной беседы с паствой, объективно трудно поддаются фиксации. Вероятно, поэтому они находили слабое отражение в источниках. Единственным мерилom

ортодоксальности клира, несшего церковную миссию в дальних уголках губернии, могли выступать только рапорты благочинных. Однако они находились с подконтрольными им причтами в спорадических контактах и при этом, порой, в довольно специфических отношениях. Естественно, что крестьяне в силу их безграмотности и низкой культуры не могли претендовать на роль компетентных обозревателей событий и явлений жизни прихода. Их активность ограничивалась наблюдением за сугубо внешней стороной приходской религиозной жизни. Вместе с тем, анализ ситуаций, фигурирующих в архивных документах, свидетельствует о том, что некоторые «аномалии»

в среде священно- и церковнослужителей время от времени все же имели место и привлекали внимание духовных властей. Однако, в подавляющем большинстве, они были детерминированы не собственно религиозными искажениями, какими-либо явными неканоническими практиками и т. п., а причинами социально-бытового и психологического плана. Тем самым, в обозначенной части имеется куда больше оснований говорить не о том, насколько в рамках повседневной религиозности духовенство блюло собственную духовную чистоту, а об особенностях доминировавших коммуникативных практик в среде причтов и их окружения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ягафов Я. А. [и др.] Этноконфессиональные меньшинства Урало-Поволжья: монография / Я. А. Ягафова, Е. С. Данилко, Г. А. Корнишина, Т. Р. Молотова, Р. Р. Садикова. Самара: Изд-во ПГСГА, 2010.
2. Известия по Казанской епархии. Казань, 1874. № 7.
3. Известия по Казанской епархии. Казань, 1869. № 16.
4. Никитин А. В. Церковный суд и православное духовенство в России (1864–1918 гг.): дис. ... канд истор. наук. СПб., 2021.
5. Известия по Казанской епархии. Казань, 1870. № 14.
6. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб., Казань: Российский этнографический музей, 2017.
7. Хохлов А. А. Донос в государственном уголовном и церковном праве во второй половине XIX — начале XX вв.: сравнительный анализ сквозь призму теории и практики // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 173–181.
8. Мангилева А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии). Екатеринбург: УралНАУКА, 1998.
9. Милованов И. И. О преступлениях и наказаниях церковных (по канонам древней Вселенской церкви). СПб.: Типография Ф. Елконского и Ко, 1888.
10. Устав духовных консисторий. СПб.: Синодальная типография, 1883.
11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб.: Типография 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1886.

REFERENCES

1. Yagafova, Ya. A. et al. (2010). E'tnokonfessional'ny'e men'shinstva Uralo-Povolzh'ya: monografiya = Ethnoconfessional minorities of the Ural-Volga region: a monograph. Samara: Publishing house of the PSGA. (In Russ.).
2. Izvestiya po Kazanskoj eparxii (1874) = News of the Kazan Diocese. Kazan', 7. (In Russ.).
3. Izvestiya po Kazanskoj eparxii (1869) = News of the Kazan Diocese. Kazan', 16. (In Russ.).
4. Nikitin, A. V. (2021). Cerkovny'j sud i pravoslavnoe duxovenstvo v Rossii (1864–1918) = Ecclesiastical Court and Orthodox clergy in Russia (1864–1918): PhD in History. Saint Petersburg. (In Russ.).
5. Izvestiya po Kazanskoj eparxii (1870) = News of the Kazan Diocese. Kazan', 14. (In Russ.).
6. Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt'. Nravu'. Materialy «E'tnograficheskogo byuro» knyazya V. N. Tenisheva (2017) = Russian peasants. Life. Mode of life. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev. St. Petersburg, Kazan: Russian Ethnographic Museum, 2017. (In Russ.).
7. Khokhlov, A. A. (2022). Donos v gosudarstvennom уголовном i cerkovnom prave vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: sravnitel'ny'j analiz skvoz' prizmu teorii i praktiki = Denunciation in State criminal and Ecclesiastical law in the second half of the XIX – early XX centuries: comparative analysis, 2, 173–181. (In Russ.).
8. Mangileva, A. V. (1998). Duxovnoe soslovie na Urale v pervoj polovine XIX veka (na primere Permskoj eparxii) = The spiritual estate in the Urals in the first half of the XIX century (on the example of the Perm diocese). Yekaterinburg: UralNAUKA. (In Russ.).
9. Milovanov, I. I. (1888). O prestupleniyax i nakazaniyax cerkovny'x (po kanonom drevnej Vselenskoj cerkvi) = About crimes and punishments of the church (according to the canons of the ancient Universal Church). St. Petersburg: Tipografiya F. Elkon'sky and Co. (In Russ.).

10. Ustav duxovny`x konsistorij (1883) = The Charter of the spiritual consistories. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya. (In Russ.)
11. Ulozhenie o nakazaniyax ugovny`x i ispolnitel'ny`x 1845 g. (1845). = The Code of Criminal and Executive punishments of 1845. St. Petersburg.: Tipografiya. 2 of the Department of its own E. I. V. Chancery. (In Russ.)
12. Ulozhenie o nakazaniyax ugovny`x i ispravitel'ny`x 1885 g. (1886) = The Code of Criminal and Correctional punishments of 1885. St. Petersburg: Type. M. M. Stasyulevich. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хохлов Александр Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент

доцент кафедры антропологии и этнографии

Казанского (Приволжского) федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khokhlov Aleksandr Anatol'evich

Ph.D. (History), Associate Professor

Associate Professor of the Department of Anthropology and Ethnography

Kazan (Volga Region) Federal University

Статья поступила в редакцию	22.05.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	24.05.2023	approved after reviewing
принята к публикации	09.06.2023	accepted for publication